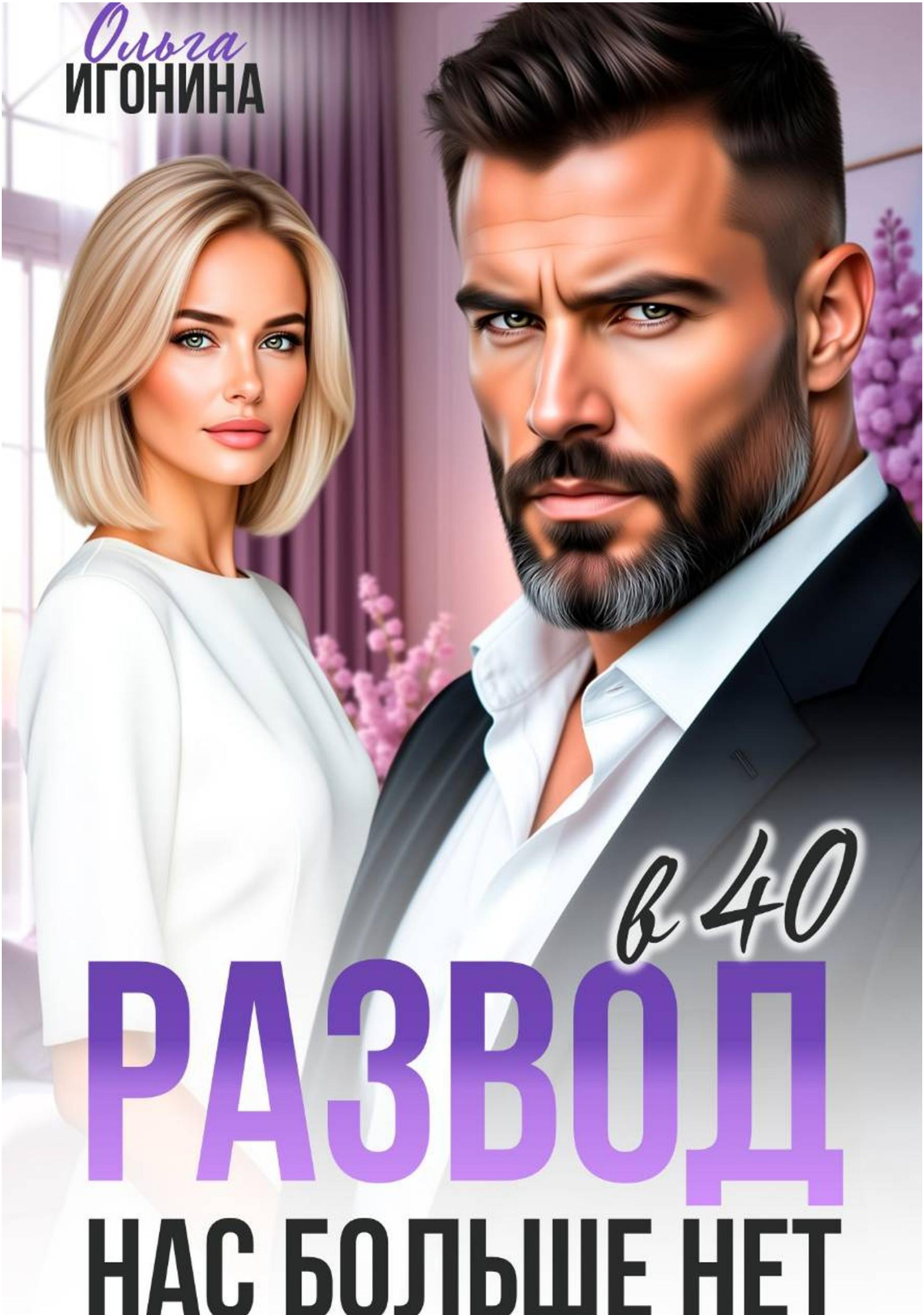
Ольга
ИГОНИНА



РАЗВОД в 40

НАС БОЛЬШЕ НЕТ

Ольга Игонина

Развод в 40. Нас больше нет

«Автор»
2026

Игонина О.

Развод в 40. Нас больше нет / О. Игонина — «Автор», 2026

- Роди мне ребёнка, - говорит Егор, глядя в глаза молоденькой сотруднице. - Я уйду от неё. Ты же хочешь семью?- А как же Ольга?- Старый пустоцвет. Она свою роль отыграла, ее папаша без свадьбы в мой бизнес не вложился бы, - мой муж усмехается.Я слышу этот разговор случайно. За стеклянной стеной мой муж просит другую женщину о том, в чём отказывал мне столько лет.Мне тридцать девять. Врачи сказали: время уходит, ещё немного - и о материнстве можно забыть. Теперь я знаю, что семейное счастье со мной не входило в его планы.Муж еще пожалеет о своем поступке, а я смогу обрести счастье, чего бы мне это ни стоило.

© Игонина О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 6
2 8
3 10
4 12
5 14
6 16
7 18
8 20
9 22
10 24
11 26
12 28
13 30
14 32
15 34
16 36
17 38
18 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Развод в 40. Нас больше нет

1

- Оленька, загадывай желание! - кричит Катя.

Я задуваю свечи на торте. Их тридцать девять, за натыканными восковыми конусами совсем не видно красоты торта. Для кого я заказывала его в пекарне, если с таким успехом за красоту и дизайн можно не переплачивать.

Закрываю глаза, зажмуриваюсь со всех сил. У меня только одно желание - ребенок. Больше всего я хочу, чтобы моя репродуктивная система вспомнила, зачем мы с ней на этой земле.

- Ура, - гости кричат и аплодируют.

- Я надеюсь, что ты загадала, чтобы мы поскорее сдали проект и в отпуск уехали? - Егор целует меня в щеку.

Тяжело вздыхаю, нет сил снова рассказывать мужу, что у меня на жизнь другие планы.

По меркам моего окружения я старая дева, над которой сжалился настоящий мужчина и взял меня в жены. С Егором мы вместе почти десять лет. До тридцати я занималась наукой, грезила открытиями, ездила на конференции по химии. И была счастлива. А тут появился он, как в дешевой мелодраме, и как-то так быстро все закрутилось. Через два месяца мы уже расписались.

Нарезаю торт на красивые кусочки, рядом вертится мама. Мне даже не надо угадывать, что она мне хочет сказать, по ее поджатым губам и продольной морщинке на лбу и так все понятно.

- Оль, а когда же вы? - тихо, так, чтобы слышала только я. - Я не молодею, внуков хочется. Да, и ты, честно сказать, тоже, уже в разряд бабок входишь. Вот увидишь, отцовский инстинкт у Егорки твоего проснется, и полетит он по бабским койкам, молодых оплодотворить. А ты с разбитым корытом и без детей одна на старости лет.

- Мам, ты же знаешь! - психую, кромсаю торт, как будто он в чем-то виноват.

Разговор о детях со мной может заводить только муж или врач. Мое женское здоровье отказывается понимать, для чего оно предназначено. И с каждым месяцем видеть тест с одной полоской все больнее.

- А когда? В сорок уже поздно будет.

- Сейчас и тридцать девять - норма, - отзывается Егор, не поднимая головы. - В Европе вон и в пятьдесят рожают. Успеется.

Он говорит “успеется” так спокойно, будто речь идёт о сдаче отчёта, а не о моих фоллику-лах, которых, как я знаю, осталось мало. Врач сказала в прошлом месяце: “Ольга Викторовна, если планируете, лучше не откладывать. Через год-два может быть поздно даже для ЭКО”.

Я тогда не сказала Егору, мне кажется, ему и так отлично живется.

Катя встаёт, поправляет платье, делает большие глаза.

- А у нас с Серёжей новость.

Все смотрят на неё. Она достаёт из сумочки темно-серую небольшую распечатку. Понимаю, что это снимок с УЗИ.

- Ты чего молчала? - стараюсь радоваться, но ощущение, что по моему сердцу сейчас проводят огромными граблями. Больно, когда твое самое заветное желание сбывается у кого-то другого.

- Олечка, я очень хочу, чтобы в следующем году, мы вместе катали коляски, - Катя протягивает мне конверт. Открываю, внутри лежит крохотный амулет с браслетом.

- Мне его для тебя знающие люди дали, - она подмигивает. - Точно поможет.

Все смеются. Я улыбаюсь, но края губ не слушаются. Если бы все эти финтифлюшки помогали, я бы с ног до головы ими была увешана. Смотрю на Егора, ему вроде тоже весело.

Никак не пойму, ему действительно все равно, что у нас нет детей. Или это защитная реакция. Сначала он говорил: “Дай встать на ноги”, потом: “ремонт закончим”, затем “Вон кризис снова, какие дети”. А теперь он просто молчит, когда я завариваю об этом. Или переводит тему.

Гости понемногу расходятся. Егор выпроваживает последних.

Отношу на кухню стопку грязных тарелок.

Мама подходит ко мне близко-близко, как будто хочет сказать что-то на ушко.

- А вы Егора проверяли? Если вы думаете, что мужское бесплодие, это миф, то я спешу вас расстроить.

Как же я устала от этого гнета. Я и сама себя постоянно долблю, что я полуженщина, просто выбракованный экземпляр, так еще и со стороны теперь давить начали.

- Проверяли, - вру, еще не хватало мне советов. Я все прекрасно знаю, может, и у него что-то там сломано, но мои анализы и обследования дают мне полную картину.

- Ты не сердись. «Оль, - говорит она негромко, — ты знала, что он тогда, перед свадьбой, твоего отца попросил поручителем быть?»

- Мам, мы это уже сто раз обсуждали.

- А ты документы видела? Контракт с его фирмой? Через месяц после свадьбы подписан, без поручительства папы бы не взяли.

- Это их мужские дела, я туда не лезу. И мам, бизнес Егора уже давно вырос, еще год-два и с папиным сравняется. Так что не думаю, что он со мной только из-за денег и связей. Он же тоже не бомжом был, - пожимаю плечами.

- Нина Федоровна, я вам такси вызвал, - откуда-то сзади голос Егора. - Придете через десять минут.

Мама поджимает губы, вытирает руки о кухонное полотенце.

- Поняла, мне здесь не рады, - шепчет себе под нос, но я понимаю, что она говорит.

Чувствую себя предателем. Ненавижу, такие ситуации, чувствую себя предателем с обеих сторон. И завидую отцу, он всегда для всех занят, не ходит ни на какие семейные торжества, сидит сейчас на балконе со станом солодового напитка и сигарой и кайфует.

2

- Егор, ну с мамой можно было бы и повежливее, - говорю мужу в спину, когда проводили маму.

- Оль, она сама говорила сто раз, что спит только дома. Я о ней позаботился, и снова не так.

Сейчас лучше промолчать, не хочу конфликтов в свой праздник.

Мы заходим в спальню. Егор закрывает дверь, подходит сзади, обнимает, утыкается носом в мою шею.

- Какая же ты красивая сегодня, - шепчет он, по моей спине бегут мурашки. - Волосы распустила… Я люблю, когда так. И платье это… сними его.

Я чувствую его руки на талии, пальцы скользят по ткани. Он целует меня за ухом, и я на секунду закрываю глаза.

- Подожди, - говорю я тихо.

- Что? - Он не останавливается. Расстёгивает молнию на платье, тянет вниз. - Я соскучился. Кажется, я схожу с ума, как сильно хочу тебя.

- Егор, пожалуйста, давай просто поговорим.

- Олюш, мы только и делаем, что говорим. А я сейчас хочу другого! А потом, если силы останутся, я готов тебя выслушать и по возможности, даже поддержать разговор.

- Сделай мне подарок. Я хочу ребенка...

Он замирает. Отстраняется на полшага. Смотрит на меня, и в глазах — недоумение, смешанное с раздражением.

- Опять? Серьёзно, Оль? Я хочу тебя, а ты опять… Опять начинаешь?

Он садится на край кровати, вздыхает, проводит рукой по лицу. Сажусь напротив, на туалетный стул, сжимаю руки на коленях.

- Я хочу детей, Егор.

- Оль, ну я же не против. Я этим и собирался заняться, пока ты все не испортила. Сама понимаешь, что дети не от разговоров появляются, а в следствии некоторых действий. И к ним я тебя всячески подталкиваю.

- Ты же прекрасно знаешь, что естественным путем шансы практически равно нулю, - мысленно закрываю себе рот. - Я хочу пойти на ЭКО. Мне почти сорок!

Начинаю с собой торговаться, что если Егор точно решит, что у него другие планы, то надо будет выбирать - или я до конца с ним и все мои желания летят в долгий ящик ожиданий. Или я иду одна своей дорогой.

Егор вскакивает, подходит к окну, потом разворачивается, смотрит на меня.

- Опять двадцать пять. Оль, мы это обсуждали. Не сейчас. Я же сказал -подпишу контракт, наладятся дела, тогда…

- Ты говоришь это уже пять лет.

- Потому что пять лет всё меняется! То кризис, то санкции, то курс доллара. Ты думаешь, мне легко? Я тащу на себе…

- Что ты тащишь на себе? - перебиваю я. И сама пугаюсь своего голоса. - Проект ведём вместе, ты без меня - ни одной презентации не сделал. Дома я. Готовка, уборка, твои носки по всей квартире. Я тащу. А ты…

Он встаёт. Быстро. Нависает надо мной.

— А что я? Не зарабатываю? Денег не даю? Квартиру нам не купил? Машину не подарил? Да ты вообще считать умеешь, сколько всего в тебя вложено?

Я смотрю на него снизу вверх.

- Я не про деньги. Я про детей. Мне тридцать девять. У моих одноклассников уже внуки будут через год. Понимаешь? Внуки! А я даже не начинала.

Егор усмехается. Такая злая, скользкая усмешка.

- Только этого не хватало. Ты ещё начни соревноваться с одноклассниками. Это что за детский сад? Нам и так хорошо. Живём отлично, путешествуем, развиваемся. Зачем тебе дети? Чтобы в подгузниках утонуть? Чтобы фигуру потерять и ныть потом круглосуточно?

- Чтобы быть мамой, - внутри зарождается ком, губы начинают дрожать. - Чтобы в моей жизни был смысл, кроме отчётов и ужинов для тебя.

Он отворачивается. Идёт к окну, смотрит во двор. Через минуту говорит спокойно, даже устало:

- Была у врача?

Я замираю. Откуда он знает? Я не говорила. Может, видел карточку в сумке? Или мама проболталась?

- Да, - отвечаю. - Была.

- И что сказали?

- Что овариальный резерв снижен. Если хочу детей - нужно в ближайшие месяц-два либо забеременеть, либо замораживать яйцеклетки. Иначе потом будет поздно. Даже ЭКО не поможет.

Он оборачивается. Медленно. Смотрит на меня так, будто я только что призналась, что подожгла его машину.

- То есть ты предлагаешь заморозить яйцеклетки? Это сколько стоит? Или сразу ЭКО? Ты вообще представляешь, какие там шансы? И сколько денег мы на это положим? А если не получится? А если получится, но ребёнок родится нездоровый? Это ты потом будешь с ним сидеть, а я должен пахать за двоих?

Я встаю. Подхожу к нему. Кладу руку на плечо.

- Егор, я прошу не деньги. Я прошу попробовать. Прямо сейчас. Не через год. Не после контракта. Сейчас! Сходить в клинику, начать подготовку.

Он сбрасывает мою руку. Резко, будто обжегся.

3

Просыпаюсь с тяжелой головой. Егора дома уже нет, что-то она так рано решил из дома уехать, видимо, чтобы я на глаза не попадалась. Что за привычка - сбегать от конфликта, все равно надо что-то решать, молча дальше жить не получится. Его слова: "Зачем нам третий?" - всё ещё звучат в ушах, как заезженная пластинка.

Я решаю не сдаваться. Может, он просто испугался. Может, если я покажу ему, что готова нести эту ношу сама - финансово, морально, физически, - он передумает. Хочу попробовать ещё раз его уговорить. Если он не согласится, даже не знаю, то делать... Донора искать или напиться пьяной и кому-нибудь отдаться? От этих размышлений внутри гадко.

Готовлю плов с курицей, с кориандром, с барбарисом. Запах разносится по всей квартире, и на миг мне кажется, что всё может наладиться. Я упаковываю контейнер в термосумку, одеваюсь и еду к нему в офис.

В голове прокручиваю речь: "Егор, я не требую денег. Я сама оплачу ЭКО. Мне нужно только твоё согласие и твой биоматериал. Пожалуйста. Это мой последний шанс". Муж сто процентов закатит глаза, тяжело вздохнет и согласится.

Я знаю, что он сегодня на девятом этаже, в переговорной, с потенциальным партнёром. Секретарша в приёмной, Елена Кирилловна, но все зовут ее Леной. Она кивает мне привычно: "Ольга Викторовна, вы к Егору Владимировичу? Он занят, но я предупрежу".

- Не надо, я подожду в коридоре, - говорю я. - Не хочу отвлекать, потом он злиться будет, зачем, я подожду.

Сажусь на пластиковый стул у стены. Контейнер на коленях. Рядом - кулер с водой и фикус в кадке. Жду.

Стеклянная стена переговорной не сплошная - матовая полоса во всю длину, но снизу и сверху видно. Я вижу ноги Егора в его любимых коричневых ботинках. И женские туфли на шпильке напротив. Светлые волосы, знакомая стрижка.

Я приглядываюсь. Татьяна, она с нами раньше по соседству дом жила. Уже года полтора, как у нас другие соседи, может, у них с Егором какие-то дела? Внутри всё холодеет, но я убеждаю себя: это деловая встреча. Проект. Контракт. Он же говорил. Не надо домысливать.

Дверь в переговорную приоткрыта - сантиметров на десять, для воздуха. И я слышу.

Не всё. Отдельные фразы.

- …ты же знаешь, я не могу так больше, - голос Егора. Усталый, почти жалобный. - Она ничего не понимает, твердит только о своём: дети, ЭКО, какие-то протоколы. Пойми, Олька - старый пустоцвет. Я с нее еще немного поимею, а ты пока нам гнездышко организуй.

Я старый пустоцвет? Кажется, сейчас кто-то получится контейнером с пловом по башке.

- А ты чего хочешь? - голос Тани, восторга что-то не слышу.

- Тебя. Хочу, чтобы мы были вместе.

Контейнер на коленях становится тяжёлым, как гиря.

- Так уйди от нее сначала, - говорит Таня. - Чего ты тянешь?

- Дом, машина, совместный бизнес… Это всё распутывать надо. Но я придумаю. Просто… - он мнётся. Я слышу, как он стучит пальцами по столу. - Тань, я хочу от тебя ребёнка.

У меня перехватывает дыхание. Как будто мне на горло наступили сапогом.

- Что? - она смеётся. Нервно, будто не верит.

- Серьёзно. Я хочу сына. Дочка тоже пойдет. Ты молодая, здоровая. У тебя всё получится. А она… у неё уже шансов почти нет. Зачем мне бесплодная жена?

Свет в коридоре меркнет. Или это у меня в глазах темнеет. Я вцепляюсь пальцами в контейнер, чтобы не упасть.

- Ты предлагаешь мне родить, а сам даже развестись не можешь? - Таня уже не смеётся. В её голосе сталь.

- Могу. Всё могу. Просто дай мне время. Месяц, два. Я подготовлю документы. Она уйдёт с пустыми руками, я всё продумал.

- А если я не захочу? - Таня встаёт. Я вижу её силуэт через стекло.

- Захочешь. Ты же меня любишь, - уверенно говорит Егор. - И ребёнок нас только свяжет. Мы будем настоящей семьёй. Не как с Олькой - по расчёту, а по-настоящему.

Я слышу, как скрипит его стул. Он тоже встаёт.

- Подумай, - говорит он. - Ты же хотела семью. Вот она. У нас будет хороший дом, Олька все самое лучше в него покупала, сейчас технику обновим, а ты заедешь на все готовенькое.

Что? Он бредит? Мысленно даю себе пощечину, рыдать о проходящей молодости буду потом. Сейчас надо включать мозги, юриста и обобрать этого козла до нитки. Он решил на моем горбу и деньгах моего папы подняться, это мы еще посмотрим.

Набираю Егору, выхожу в коридор.

- Олюшка, ты проснулась? - голос двоится, слышу его и из трубки, и отголоском из кабинета. - У меня тут дела на работе, я раньше ушел. Знаешь, я сегодня всю ночь не спал, думал, как нам поступить. Я вечером приеду, нам надо несколько дел провернуть, ну это пара недель буквально. А ты нас пока к своему врачу на консультацию запиши.

4

Егор

Второй кофе за утро явно лишний. Сижу в офисе, один. На столе красуется рамка с фотографией. Мы с Олькой на каком-то корпоративе года три назад. Она улыбается, прижимается ко мне, интересно, она тогда была счастлива? Мне кажется, я был - но, как будто я уже забыл это ощущение. Теперь только тревога, недовольство, постоянная грызня.

Беру рамку, смотрю - красивая баба, ничего не скажешь. Умная и хозяйственная, другой мог бы быть счастлив, а мне она как кость поперек горла. А еще и детей не может, а мне нужен наследник. Не ради счастья отцовства - ради бизнеса. А от Ольки ребенок - наследник с обеих сторон, но тогда терпеть мне ее до конца жизни.

Убираю фото в ящик стола. Пусть лежит, пока не пригодится, может, адвокату покажу, какая у нас была "счастливая семья".

Открываю ноутбук: графики, цифры, контракты. Чёрт, этот проект без Олькиного отца не вытянуть. Виктор Сергеевич, старый хрыч, держит меня за яйца до сих пор. Без его поручительства банк не даст кредитную линию. А если Олька узнает про Таню и подаст на развод раньше, чем я всё перепишу… Тогда контракт накроется медным тазом.

Надо тянуть время. Усыпить бдительность. Пусть Олька думает, что я думаю над её ЭКО. А сам пока оформлю активы на подставных.

Стук в дверь. Не дожидаясь ответа, заходит Таня. Улыбается, глаза блестят.

- Привет, Егор Викторович.

Ага, называет по имени-отчеству, значит, нужно денег или хочет что-то выпросить. Так мило, по-дурацки.

- Привет, - я откидываюсь на спинку кресла. - Ты чего сияешь?

- Да тут увидела сумочку… В новом торговом центре. Такую красивую, ты бы видел! - она садится на край стола, болтает ногой. - Мечта просто.

- Сколько?

- Триста тысяч, - говорит будто не о деньгах, а о пустяке.

Я усмехаюсь. У Ольки за всю жизнь таких запросов не было. Может, в умении вот так - жить для себя и есть мудрость?

- Нехилая стоимость.

Таня сразу скисает. Лицо становится капризным.

- А на жену ты столько тратишь? Вот недавно террасу ей заделал. Я видела фото в сторис. Ремонт, мебель, всё такое.

- Терраса - это общее имущество, - объясняю я терпеливо, как ребёнку. - После развода, если я захочу, ты там сможешь жить. Понимаешь? Это инвестиция. А сумка - это просто тряпка.

- Ну не зна-а-аю, - тянет она. - Я пока молодая. Мне земля, дома и прочая ерунда неинтересны. Я хочу жить в моменте. Сумочку - сейчас хочется, не через год, не после развода.

Смотрю на неё. Двадцать пять лет, глаза, как у котёнка, который хочет сметаны. Красивая, глупая, удобная. Не то что Олька с её вечными анализами и сроками.

- Ладно, - вздыхаю. - Придумаю что-нибудь. На карте кто такие деньги держит.

- Правда? - она хлопает в ладоши. - Егор, ты лучший!

Подскакивает, чмокает меня в щёку, уже собирается убежать. Я хватаю её за запястье.

- Подожди. Сядь.

- Что? - она настораживается, но садится на стул напротив.

- Тань, роди мне ребёнка, - говорю я. Смотрю ей прямо в глаза.

Она замирает. Секунду молчит. Потом тихо:

- Ты серьёзно?

- Абсолютно.

- А как же… твоя жена?

- Уйду от неё. Ты же знаешь. А тут и причина веская будет. И она ради ребенка ни за что судиться не будет, я уж ее знаю.

- Мне нужен наследник. А она… у неё не получается. Рисковать я не хочу, родит какого-нибудь дебила, а мне потом, что делать - муки совести и жить в этом дурдоме всю жизнь. Нет, хватит я и так свое мнение ради бизнеса в одно место засунул, стараюсь быть "удобным" зятем.

Таня отводит взгляд. Крутит на пальце колечко - дешёвку, подарил ей на день рождения.

- Я хочу семью, Егор. Настоящую, чтобы муж был рядом, а не в командировках с женой.

- Будет. Я всё решу, только сначала надо, чтобы ты… - я не договариваю. Она понимает.

- То есть я должна родить, а ты пока будешь жить с ней? И когда это всё?

- Месяц-два. Максимум три.

- А если я не захочу?

- Захочешь, - говорю я уверенно. - Ты же меня любишь.

Молчит. Потом усмехается, так же зло, как я сам умею.

- Люблю. Дура, наверное.

- Не дура. Умница. Мы всё сделаем красиво.

Встаю, подхожу к ней, глажу по голове.

- Подумай, с ответом не торопись. А сумку я куплю, будет тебе небольшой презентик от меня.

Она поднимает на меня глаза. В них сомнение и надежда, но мне плевать, что она там себе накручивает. Главное, пусть родит, тогда я уйду от Ольки чисто. А если не родит, то... найду другую.

Она уходит, постукивая каблуками. Я остаюсь один. Смотрю в закрытую дверь. Мысленно перебираю варианты.

Сейчас главное, не спугнуть Ольку. Пусть думает, что я думаю. Может, даже соглашусь на ЭКО -для вида. А потом при разводе клиники будет вынуждена уничтожить эмбрионы.

В голове созревает план - грязный, подлый, но в бизнесе все средства хороши.

Открываю ящик стола. Смотрю на фотографию, где Олька улыбается.

- Извини, дорогая, - шепчу. - Бизнес, ничего личного.

Закрываю ящик на ключ.

5

Оля

- Наталья Викторовна, здравствуйте. Это Романова, - набираю врачу, как только выхожу из офиса.

- Оля, что-то случилось?

- Запишите меня на ближайшее время, сегодня вдруг есть десять минут.

Видимо, мне этот жесткий пинок нужен был давно. Какого черта я тянула, когда же я научусь думать своей головой, а не ждать милости от окружающих.

- Приезжайте, если очень нужно. Выкрою немного времени.

Сажусь в машину. Руки всё ещё дрожат, но я заставляю себя вздохнуть глубже.

Надо еще отцу позвонить. Пока Егора есть доступ к папиным средствам, документам, огромная вероятность, что деньги семьи утекают не туда.

Выезжаю с парковки, включаю радио фоном, как будто оно помогает мне собраться. Набираю отца.

- Ольга, привет! Тебе мать от меня подарок передала? - папа в своей манере, всегда очень занятой, жесткий, иногда кажется, что вместо сердца у него пламенный мотор, только для рабочих подвигов, а не для любви.

- Пап, а что у вас с Егором за ближайшие сделки? Есть какие-то совместные дела? - пока не пойму, стоит ли говорить правду или лучше зайти сильно издалека.

- Оль, ты решила в бизнес поиграть? Тебе же такие дела неинтересны были. Я помогаю вашему семейству становиться богаче. Хотя ты же понимаешь, что и так все тебе достанется. А что ты хочешь? - кажется, я его раздражаю.

- Я могу вечером к тебе заехать, чтобы поговорить? - сама не верю, что это спрашиваю. В родительский дом я могу приехать в любую минуту, но вот чтобы поговорить с папой по душам, надо сильно постараться.

- Оля, что-то случилось?

- Пап, а ты можешь отказаться от сотрудничества с Егором?

- Вы поругались, и ты решила мужа моими руками в угол поставить, как котенка? Оль, ну взрослые мужики так себя не ведут.

- Не ведут. Они просто трахают других баб, просят молодых любовниц родить им, пока старый пустоцвет ждет дома. Пап, - начинаю рыдать, прикрываю рот, чтобы не было слышно всхлипываний. Знаю, как отец ненавидит женские слезы. - У Егора есть другая. Я уверена, что он гонит твои деньги налево.

ЗАмолкаю, жду слов, что я дура непроходимая, что все мужики гуляют и прочее.

- Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд. Ты уверена? - тон все такой же спокойный.

- Да, я слышала своими ушами. Ладно, я все поняла. Я сейчас в клинику еду, мне надо решить кое-какие вопросы по здоровью, а потом поеду подавать на развод.

- Оля, не спеши! Бизнес так не делается.

- Я поняла, - скидываю звонок.

Почему я решила, что кто-то должен встать на мое место, тем более отец. Он всегда был главным в доме, иногда его взгляды доходили до деспотичных. Мама молчала, приучила и меня молчать.

Что теперь делать?Нового мужчину искать? Мне тридцать девять. Какие мужчины? Кому нужна женщина с почти бесплодными яичниками, с комплексом неудачницы? Те, кто хочет детей, найдут молодых. А я останусь у разбитого корыта, как мама и говорила.

Слёзы застилают глаза, я съезжаю на парковочное место в стороне, чтобы не мешать другим. Включаю аварийку. Кладу голову на руль и даю себе минуту. Одну минуту на жалость к себе.

Поднимаю взгляд, в зеркало на меня смотрит взрослая, несчастная тетка. Оля, давай родная, включай мозги! Ты отца предупредила, а все остальное уже его проблемы.

Ощущение, что с меня сняли какой-то купол, я живу в искусственном, рафинированном мире.

Хватит ныть, пора к врачу.

По дороге я прокручиваю в голове слова. Что я скажу врачу? Всю правду. О том, что муж не хочет детей, что я больше не могу ждать, что время уходит, что я готова на всё. На стимуляцию, на пункцию, на заморозку - на что угодно.

Парковка у клиники почти пустая. Захожу внутрь, со стен на меня смотрят фотографии малышей. Интересно, кто решил, что это вдохновляет и поддерживает почти бесплодных женщин, я ощущаю себя еще хуже просто последней неудачницей.

Заглядываю в кабинет, Наталья Викторовна ведет прием. Сажусь у кабинета, сколько раз я здесь уже была? Раз десять точно...

Из кабинета выходит глубоко беременная пара. Не на них смотреть, больно, кажется, весь мир надо мной издевается.

- Ольга, вы сказали, срочно. Что случилось? - врач показывает на стул, приглашая присесть.

Я сажусь напротив. Сжимаю пальцы в замок.

- Сегодня мои очки разбились стеклами вовнутрь, но пока я ехала к вам, я многое поняла. Мне надо заморозить, все, что могу еще добыть из своего организма. Я мужа есть молодая любовница, поэтому я пойду в протокол одна.

Она молчит, понимающе кивает.

- Я хочу заморозить яйцеклетки. Готова начать стимуляцию хоть завтра. Неважно, сколько это стоит. Неважно, какие шансы. Я должна попробовать. Потому что, если я сейчас ничего не сделаю, я никогда себе этого не прощу.

Врач откладывает ручку. Смотрит на меня долго, спокойно.

- Вы понимаете, что при вашем овариальном резерве мы можем получить, что, если вы решите использовать их через год-два, потребуется ЭКО, и шансы на беременность всё равно будут ниже, чем у женщины без проблем?

Эти слова я слышала уже несколько раз. Но мне не хватило ума прислушаться к себе, я слушала, что говорят вокруг - о возможных онкологических заболеваниях, о вреде для моего здоровья, о том, что я все могу сама.

- Всё понимаю, и к этому готова. Когда начинаем?

6

Егор

Вечером возвращаюсь домой, устал как собака. Переговоры, отчёты, Таня со своими капризами - то сумочку ей подавай, то внимание. Хотя новость на "роди мне ребенка" вроде встрепенулась.

И Ольга сейчас на уши присядет, что все надо менять - мой кабинет под детскую забрать хочет.

Все вокруг ноют, что женщинам сложно, а мужикам каково? Сделай правильно выбор, найди женщину для жизни, потом придумай сто пятьсот вариантов, чтобы сумочку ей, отпуск, машину, не хуже, чем у подруги. Задолбали, но и без них скучно.

Лифт поднимает меня на наш этаж. Открываю дверь ключом, в прихожей пахнет Ольгиными духами цветочными, приторными. Сколько раз просил не душиться так сильно, всё равно пшикает. Бабы - они как сороки: блестящее и вонючее - их стихия.

- Оля, ну ты снова свои духи как освежитель воздуха используешь? - начина бухтеть с порога.

Она выходит из комнаты, смотрит на меня. Сама зарёванная, глаза красные, а нос похож на картофелину. Волосы собраны в небрежный пучок. Старая, уставшая, жалкая. Интересно, сколько лет прошло с тех пор, как она была красивой? Сравниваю с Таней - свежей, упругой, с идеальной кожей.

- Привет, - подхожу, обнимаю.

- Привет, - отвечает она тихо. Голос дрожит, будто вот-вот сорвётся.

Прижимаю ее к себе.

- Устала? - Смотрю на неё, в голове прокручиваю сценарий, надо сыграть любящего мужа. - Олюш, я сегодня много думал. Знаешь, я уверен, что нам нужен ребенок. И готов к его производству приступить прямо сейчас, но есть одно, но.

Она поднимает на меня глаза, как собака, которую ударили, но она всё равно хочет ласки.

- Денег еще заработать? - она глубоко и печально вздыхает.

- Нет, я для нас все заработаю. Я готов, ЭКО, пойдем в протокол.

Она вздрагивает, щёки розовеют. Чёрт, даже сейчас, заплаканная и старая, она умудряется выглядеть почти трогательной.

- Правда? - шепчет. Слёзы снова текут по щекам. Господи, какая же истеричка.

- Правда. Но с одним условием. Сначала сдаём всю генетику. Полный кариотип. И тебя, и меня. Я не хочу, чтобы родился больной ребёнок, понимаешь? Больной ребёнок - это обуза на всю жизнь, нам нужен здоровый наследник. А сама понимаешь, мы уже немолоды, всякие там хромосомные поломки уже, риски.

Она кивает так быстро, будто боится, что я передумаю.

- Хорошо. Я согласна, завтра же запишусь.

Смотрю на жену, где-то в глубине жалко ее. Она же хорошая, умная, хозяйственная. и если бы я не встретил Таню, то мне было бы легче с ней. А ведь первое время я думал, что люблю ее. Восхищался ее тонкими запястьями, длинными пальцами, родинкой за ухом.

- Оль, ты плакала? - спрашиваю я. Хотя вижу прекрасно, просто хочу посмотреть, как она будет выкручиваться.

Она вытирает лицо, будто не замечала.

- Да так… ерунда. Я сегодня после работы зашла в детский магазин. Случайно. Шла мимо, увидела витрину и… - она улыбается, но губы дрожат. - Там ползунки такие смешные. Маленькие, с зайчиками. Я представила, что когда-нибудь куплю такие… нашему.

Тридцать девять, а она как ребёнок. Ради кого ты стараешься? Ради меня? А я не хочу никаких детей. Я еще сам хорошо не жил, только под гнетом то папаши ее, то с советами мамаши.

- Купим, - говорю я вслух. - Всё будет.

- Спасибо, Егор. Ты не представляешь, как это для меня важно.

- Представляю, - вру я. - Ладно, я в душ, потом что-нибудь перекушу.

Становлюсь под душ. Горячая вода стекает по лицу. Закрываю глаза и представляю Таню. Голую, рядом в кровати... ее стоны, гибкое тело.

Хотя Ольга тоже очень хороша, но вот эта ее навязчивая идея, и секс превратился не в удовольствие, а в повинность.

Достаю телефон с полки. Протираю влажные пальцы о полотенце. Открываю чат с Таней.

"Как там твоя? Не выгнала?"

Таня написала она три часа назад.

Печатаю ответ.

"Нормально. Согласилась на генетику. Думает, что будет ЭКО.)))))"

"Ты же не будешь?"

"Конечно, нет. Ты моя будущая мама моих детей. А она пусть мечтает".

"Какой ты жестокий, Егорка", - пишет Таня со смайликом. Ей нравится, я знаю, она возбуждается от моей жестокости. Такие, как она, любят плохих парней.

"Пришли фото, откровенные. Хочу посмотреть на тебя перед сном".

Через минуту приходят три снимка.

Сохраняю в тайную папку. Таких фотографий у меня уже штук тридцать. На любой вкус. Иногда, когда Олька уже спит, я устраиваю себе праздник - открываю папку и наслаждаюсь.

Выхожу из душа. Надеваю халат, иду на кухню. Плов, салат, стакан томатного сока - все как в диабетическом санатории.

Иду в спальню. Интересно, Ольга уже спит? Сто процентов сейчас соблазнять будет, хотя на безрыбье... почему бы и нет.

Жена уже в кровати, что-то читает. Ложись к ней, тянусь, чтобы обнять.

- Жарко, - говорит она и отодвигается. - Егор, спи на своей половине.

- Спокойной ночи, - бросаю я и отворачиваюсь к стене.

7

В четыре часа утра уже не спится. Не могу даже физически быть с Егором в одном пространстве.

Иду на кухню, уже светло. Если я выйду гулять, то соседи подумают, что я сошла с ума.

Выхожу на балкон, долго смотрю, как оживает город. Не могу не о чем думать, кажется, что моя жизнь сейчас похожа на пазл, только половину деталей потерялась.

- Ты уже не спишь? - Егор заходит ко мне, приносит телефон. - Батя твой звонил, что-то не очень довольный. Перезвони, я допытываться не стал, мать, наверное, все нервы с утра вынесла.

Киваю, но телефон прячу в карман. Нет сейчас сил подбирать слова, чтобы Егор не догадался о моих мыслях.

- Ты кофе будешь? Мне кажется, ты ворочалась сегодня всю ночь, сама не спала, и мне толком не. Это все из-за ЭКО? Так не переживай, от этого еще никто не умер. А у нас и достаток есть, все будет в лучшем виде.

Поддакиваю.

Снова звонит телефон.

- Папа, привет, не слышала звонка. Что-то случилось?

- Оля, приезжай домой, только одна, надо поговорить, Егору ничего не говори, - снова приказ. Интересно, что он мне скажет, чтобы я не забивала голову, а ребёнка и "прижить" от другого можно?

Возвращаюсь на кухню, Егор пьет кофе.

- Что там отец? У нас с ним такой план крутой по развитию. Я прям ему поражаюсь, он же очень взрослый, а как у него голова работает. Половина людей в его возрасте и телефон сенсорный освоить не могут, а он и компом пользуется, и какой-то переводчик установил, смотрю, он на Китай поглядывает, с ними какой-то бизнес мутить хочет.

- Да, папа такой.

А он и правда такой. Жесткий, дисциплинированный, даже в самые бедные времена, он маме выдавал деньги под счет, все остальное до копейки вкладывал в дело. Уже, когда стало полегче, мне все вокруг говорили, вы поехали, а море, а у отца старая джинсовка, могли бы и раскошелится. А в этом и есть мой отец - все для семьи.

Быстро собираюсь, еду к родителям. Час дороги, паркуюсь, поднимаюсь по знакомой лестнице, и с каждым шагом ощущаю, как внутри нарастает странная, почти детская тревога.

- Олечка, - мама встречает меня на кухне. Кажется, сутки напролет она там что-то трет, чистит, готовит, - чай будешь? Отец тебя по делам ждет.

- Злой?

- Немного, - она кивает, и уже по движению я понимаю, что он точно в ярости.

Дверь в кабинет приоткрыта. Он стоит у окна, спиной ко мне.

- Садись, - разворачивается, кивает он на стул. - Рассказывай, все, что знаешь о похождениях мужа, только давай без соплей, только факты.

Я выдыхаю. Ожидаю наездов, вопросов про деньги, про честь семьи, про то, что "мы столько в него вложили, нельзя просто так взять и разбежаться", или "терпи, дочка, семья дороже".

- Он гуляет, - говорю я тихо, но чётко, как будто я уже сама с этим смирилась. - У него есть другая. Молодая. Я слышала сама. И… я его понимаю.

Последние слова срываются невольно. Папа хмурится, делает шаг вперёд.

- Понимаешь? Что именно?

- Что ему со мной скучно, я не даю ему той лёгкости, того драйва. Он хочет наследника. Я не виню его за то, что ищет это на стороне.

- Наследника, - папа начинает смеяться, но звучит это как раскат грома. - А он у тебя что из графьев? Что передавать-то будет, то что я построил и помогаю ему тянуть? Так это мое, а я без сопливых справлюсь, сам решу, что и кому я передам. Значит, подонок. Обычный, расчётливый подонок.

Я моргаю, не могу понять, что он хочет этим сказать.

-Так, - он подходит к столу, упирается ладонями в край. - Значит, сегодня я открываю проект, чтобы Егора отправить подальше. Из наших договорённостей, из твоей жизни, из этого офиса. Ты занимайся своим здоровьем. Беременеть от него - дурная идея, когда всё уже известно. Ищи другие варианты. Донора, клинику, что там тебе надо.

Сердце ёкает от внезапного, почти физического облегчения. Я даже не замечаю, как расправляю плечи.

- А развод? - спрашиваю я, всё ещё не веря.

- С разводом пока не спеши, - папа поднимает руку, останавливая меня. - Я его от тебя изолирую. Полностью. Мне надо подчистить дела, вывернуть все контракты, проверить отток средств. Проверну так, чтобы за каждую твою слезинку он ответил. Юридически. Финансово. До копейки. А ты пока лечись, думай о себе. И не смей больше терпеть.

Я смотрю на него - на человека, который всю жизнь казался неприступной скалой, а сейчас вдруг, оказывается, не стеной, а щитом. Внутри что-то дрожит, но я не позволяю слезам выступить. Не сегодня.

- Хорошо, - говорю я. - Пап, ты сейчас серьезно?

- Оль, тебе сорок лет. Ты жить, когда начнешь? Смотри, часовая стрелка только в одну сторону бежит, подумай об этом. А для меня ты всегда ребенок, и я любому башку оторву, и твой Егорка не исключение.

Похожу, проваливаюсь в его объятия, какой же он большой и смелый. И Егор мне казался таким же, но где-то я просчиталась.

8

- Тань, давай по скорому, а то до совещания полчаса, надо, чтобы еще мысли в голову вернулась, а не в трусах застопорились, - быстро расстёгиваю ее блузку. Кто придумал эти чертовы мелкие пуговицы и крохотные петли.

- Снова все по-быстрому, когда мы уже нормально сможем расслабиться? - Таня помогает снять узкую юбку.

Звонок режет тишину переговорки так резко, что Таня вздрагивает и отдергивает руку. На экране высвечивается "Тесть".

Я замираю на секунду, как будто он может меня увидеть даже через звонок.

- Да, Александр Петрович.

- Егор, ну бизнес кипит, а ты все где-то прохлаждаешься. С такой расторопностью, как ты еще без трусов не остался, - он усмехается.

Ну, если бы еще пару минут, то точно был бы без трусов.

- Срочно приезжай. Мысль дельная родилась, будем воплощать. Ждать некогда, - голос сухой, рубленый, без предисловий. Я уже знаю: спорить бесполезно.

- Ну у меня свое совещание, надо проверить работу отделов, отчеты за неделю. Я понимаю, что у вас мозги лучше моих работают, но поймите...

- Все, понял, другого себе партнера ищу. Мне мямли и нытики не нужны, запомни, Егорушка, - это звучит со снисхождением. - Нужно ковать железо, когда горячо. А твое уже остывает.

Ох, плакала моя разрядка, смотрю на Таню, она надувает обиженно губы, резко разворачивается.

- Буду через сорок минут.

Кладу трубку. Таня смотрит на меня широко раскрытыми глазами, в которых ещё не погасла та самая дешёвая покорность. Её пальцы всё ещё цепляются за край стола, губы приоткрыты, дыхание сбилось. Ещё пять минут - и мы бы снова погрузились в привычный ритм. Но сейчас не до этого.

- Тебе пора, - говорю коротко, застёгиваю рубашку и убираю телефон в карман. - Созвонимся.

Она кивает, торопливо поправляет блузку. Я не жду, пока она уйдёт, выхожу в коридор, надеваю пиджак, вызываю лифт. В голове уже крутятся цифры, графики, отчёты. Но внутри что-то неприятно сжимается. Тесть не зовёт просто так, но если это принесет побольше денег, то ладно.

Лечу на встречу, паркуюсь на знакомом месте, поднимаюсь по лестнице и чувствую, как внутри нарастает глухое, липкое раздражение, опять бегу по его сигналу.

Дверь в кабинете открыта. Тесть сидит за массивным столом, перед ним графин с чем-то прозрачным и два стакана. Без пиджака галстук ослаблен, рукава закатаны. Выглядит так, будто уже принял важное решение и просто ждёт, когда я приду его подтвердить.

- Садись, - кивает он. Наливает себе, потом мне. - Пей, потом говорить будем.

Делаю глоток, обжигает горло.

- Денег тут скоро свалится, - начинает он без лишних вступлений, глядя прямо на меня. - Будем зернохранилище строить. Тёплое, на пятьдесят тысяч тонн. Ты отвечаешь за него головой. Сроки очень короткие, а деньги большие. Поедешь сам.

Хмурюсь. Зернохранилище? Каркас? В каком регионе? Я не вижу ни тендера, ни сметы, ни геологических изысканий. В голове мгновенно лезут риски, логистика, подрядчики, согласования.

- Пап, а проект…

- Проект уже у заказчика на столе, все согласования пройдены. Внутри всё каркасное, возводится с подключением за месяц. Команду собери, бытовки закажи, логистику отстрой. Чтобы к первому числу уже лили фундамент. Понял?

Киваю, внутри всё кипит. Месяц? Каркас? Это безумие. Где люди? Где материалы? Почему я? Я не прораб, я руководитель коммерческого направления.

- А Оля в курсе? - спрашиваю, больше чтобы потянуть время, поймать хоть какую-то нить контроля. - Она… собирается на ЭКО. Протокол стартует, она уже на стимуляции.

Он усмехается, тихо, беззлобно, но от этого по спине бежит холодок. Отставляет стакан, складывает пальцы домиком.

- А ты чем ей поможешь? - Он смотрит на меня так, будто читает вслух мои мысли. - Ну, у неё протокол идёт своим чередом, а ты свежим воздухом дышишь. Отвлечёшься, а пить тебе и так там нельзя. Или я тебе голову сверну.

Замираю, рюмка в руке вдруг кажется свинцовой. Он не спрашивает, хочу ли я ехать, не интересуется, как я совмещу это с семьёй, с Олиным здоровьем, с тем, что она уже на грани. Он просто вычеркивает меня из её жизни на месяц. И делает это так легко, будто отодвигает пешку на доске.

- Я понял, - говорю тихо. - Когда старт?

- Завтра утром, водитель заедет за тобой в шесть. Документы и доверенности вышлю ночью.

Встаю, подхожу к окну. Город внизу кипит, живёт своей жизнью. А я вдруг чувствую себя винтиком в механизме, который давно не принадлежит мне. И даже сейчас, когда внутри всё сжимается от бессилия, я понимаю: отказаться, значит потерять всё: контракты, доступ, статус, ту иллюзию равенства, которую я так старательно поддерживаю последние пять лет.

- Егор, - голос тестя останавливает меня у двери. - Не думай, что я слепой. Знаю, где ты время проводишь, но пока ты несёшь ответственность за мои деньги, будешь заниматься делом.

9

- Оль, что за хрень происходит? - Егор орет на меня, едва я беру трубку. Голос у него резкий, с хрипотцой, будто он уже успел накричать на кого-то до меня. - Твой папаша совсем с ума сошел? Ты в курсе, что он меня в ссылку отправляет?

Я молчу. Наливаю чай, хотя руки чуть дрожат. Утренний разговор с отцом еще не остыл в голове. Интересно наблюдать за мужем, когда все идет не так, как он себе представлял.

- Оль? Ты там вообще живая? - он повышает тон. - Он меня на зернохранилище посылает. На месяц сама знаешь, что это очень приблизительный срок. Там и на полгода торчать оставит. В какую-то дыру, где ни связи, ни нормальных дорог. Я должен там прорабом работать, пока ты тут одна... Я что, по-твоему, разнорабочий?

- Егор, я не лезу в мужские дела, - говорю спокойно. Хотя внутри есть уже небольшое ликование. - Это вы с папой договаривайтесь, меня он тоже не послушает. Ты сам всегда говорил, что бизнес - твоя территория.

- Территория?! - он почти смеется, но смех злой, рваный. - Оль, ты меня слышишь? Меня выслали! При чем тут бизнес? Твой папаша решил меня из твоей жизни вычеркнуть на месяц, чтобы ты там без меня... я даже не знаю, что он задумал. Ты ему позвони! Плачься, что тебе беременеть скоро, а я еще даже не начал подготовку. Куда это все еще на год откладывать? Пусть он сам едет и контролирует свои стройки! А я здесь нужен.

Я делаю глоток чая. В голове прокручиваю: вчера отец сказал "изолирую", и вот оно уже работает. Для Егора это просто странный, нелепый приказ. Для меня - первый шаг к свободе.

- Оль, ты меня слышишь? - он уже не кричит, но голос вибрирует. - Я не шучу. Я не могу уехать на месяц. У нас ЭКО на носу. Ты же сама хотела. Ты мне говорила, что время уходит. А если я уеду, кто тебя на процедуры возить будет? Кто поддержит? Ты там одна с матерью своей... с этими истериками... Оль, ну, включи голову!

Он играет на моих чувствах. И это так больно осознавать, потому что еще неделю назад я бы поверила. Еще неделю назад я бы бросилась звонить отцу, рыдать в трубку, требовать, чтобы он пожалел зятя и меня, бесплодную дурочку.

- Деньги - хорошо, - продолжает Егор, уже мягче, почти по-домашнему, - но семья-то важнее? Ты ж моя жена. Мы должны быть вместе, а он нас разлучает. Зачем? Что я ему сделал? Работаю, не пью, деньги в дом несу...

Вот сейчас внутри меня что-то закипает. Уже виду мужа не взрослым и состоявшимся мужчиной, а нашкодившим подросточком, у которого прямо перед носом забирают крутую игрушку.

- Егор, - перебиваю я тихо. - Я тебе что сказала? В мужские дела я больше не лезу. В прошлый раз я была между тобой и папой, как между молотом и наковальней, а потом еще во всем осталась виновата. Ты меня столько лет учил, что бабам в бизнесе не место. Мое дело - дом, ужин, твои носки. Вот я и не лезу. Разбирайся с папой сам, ты же мужик.

В трубке - тяжелое молчание. Я слышу, как он дышит часто, раздраженно. Представляю его лицо: красное, с выпученными глазами, он сейчас похож на индейку, которую не кормили три дня.

- Оль, ты чего, с ума сошла? - наконец выдавливает он. - Это он тебя настроил, да? Твой папочка. Вчера вы там наверняка обсуждали, как меня... Какую-то гадость приготовили. Я ж знаю! Он всегда меня не любил. Всегда считал, что я тебя недостоин. Денег моих ему мало, связей... А теперь решил избавиться. А ты... ты позволяешь ему нами управлять?

Кажется, мне надоедает этот разговор, тем более никаких поблажек Егору теперь не будет, хоть он и не готов с этим мириться.

- Оль, сделай доброе дело, - голос Егора вдруг становится просящим, почти жалким. - Позвони ему. Пусть он отменит эту мою командировку. ТЫ же знаешь, если я упрусь, скажу, что у меня свои планы, он быстро все контракты со мной сольет, а нам надо, чтобы наше состояние приумножалось. Пожалуйста, я тебя прошу. Я потом тебе любой подарок куплю, хоть шубу, хоть не знаю что.

- Смотри, как все поменялось местами. Еще полгода назад я же была на твоем месте, помнишь? Уговаривала тебя сдать анализы, биоматериал, почти в ногах валялась, а ты не нашел времени и желания исполнить мою просьбу, - не знаю, надо ли заводить этот разговор, пусть он остается на крючке отца.

- Спелись, значит! Я не думал, что ты такая злопамятная. Оль, а я, оказывается, тебя совсем не знаю.

10

Егор

Влетаю на парковку у Таниного дома, глушу двигатель, ещё пару секунд сижу, сжимая руль. Руки трясутся - от злости, от бессилия оттого, что старый хрыч меня просто вышвырнул, как ненужную деталь. Я для него винтик. Всегда был. Подумаешь, зять. Подумаешь, десять лет в этой семье, как собака, выгрызал себе место.

Набираю Тане, пока иду к подъезду.

- Выходи, я внизу.

- Егор, ты чего? Я не готова, у меня маска на лице, - капризничает, но я сбрасываю. Не до масок сейчас.

Через минуту она открывает дверь - в халате, с полотенцем на голове, брови домиком.

- Ты чего? Случилось что?

Захожу, скидываю пиджак прямо на тумбочку, прохожу на кухню. Таня плетется за мной, хлопает босыми ногами по ламинату.

- Тесть с ума сошел, - выдыхаю, падаю на стул. - Он меня в ссылку отправляет. На месяц вышвыривает в какую-то дыру. Он мне мстит, всеми действиями показывает, что я в его власти, что он может меня помиловать, может уничтожить или просто обнулить, сделать вид, что меня никогда не было.

Голова трещит так, что кажется, что сейчас она лопнет и все. Злость перекрыла все чувства и ощущения. Я снова тот подросток, что вырывал зубами себе место " в стае", а только на секунду зазевался и все - рви заново. Тесть всегда ко мне так странно относился, не по-родственному. Он готов доверить мне дочь, деньги, в чем-то бизнес, но не дает подойти ближе.

- Слушай, ну он же человек старой закалки, может, думает, что ты в испытаниях растешь? Вот и проверяет, насколько ты можешь проявить себя в нестандартной ситуации.

Таня садится напротив, поджимает губы. Снимает полотенце, волосы влажные, тяжелые падают на плечи. Красивая. И умная, иногда слишком.

- Бред! Это просто ссылка!

- Это как? - медленно говорит она, поднимает бровь.

- А так. Приехал к нему, а он мне - поедешь, сроки короткие, деньги большие. Я попробовал возразить, а он… он меня просто отодвинул, как фигурку на доске. - иду к окну, потом подхожу к раковине, включаю воду. - Ты понимаешь? Он меня из Ольгиной жизни убирает на месяц, чтобы я не мешал.

Таня молчит. Смотрит на меня, и в ее глазах что-то щелкает.

- Егор, - тихо говорит она, - а может, кто-то нас сдал? Понятно, что даже сильно скрываясь, мы не можем оставаться незамеченными. Кто-то что-то о тебе сказал, вот и результат...

Я замираю. Мысль бьет в голову, но я отмахиваюсь:

- Нет, очень вряд ли, если бы тесть обо все узнал, мня бы на этой земле уже не было. Если бы узнал про нас, он бы меня не в командировку отправил, а на стройку, но прямиком в бетон.

Таня скрещивает руки на груди. Она не верит в мои доводы.

- Он про тебя что-то знает, - настаивает она. - Иначе зачем так резко? Ты же сам говорил, что он в дела не лезет, давал тебе свободу. А тут командировка.

- Да что ты прицепилась! - рявкаю я. - Старый пердун решил власть показать. Напомнить, кто тут хозяин. А Олька его, конечно, под руку кормит своими истериками про детей. Вот он и взбесился. Думает, я мало внимания ей уделяю. Вот и отправил подальше, чтоб семью спасать. Идиотизм!

Таня встает, подходит к окну. Спина прямая, халат распахнулся, видно край кружева. Я смотрю, и внутри закипает, не только злость, но и желание. Надо сбросить напряжение. Быстро. Прямо сейчас.

- Тань, - говорю я, поднимаясь. - Слушай. А может, мы это… используем? Я уеду на месяц, ты возьми отпуск. Или проверни как-то на фирме, что ты тоже туда поедешь, на несколько дней. Скажешь, контроль качества или что-то такое. Там же стройка, всегда нужны… ну, неважно. Я выберу себе бытовочку получше, с кроватью. И мы будем рядом. Целый месяц почти свободны. Представляешь?

Она оборачивается. Смотрит на меня, бровь снова ползет вверх.

- Ты серьезно? - спрашивает она.

- Абсолютно. Тань, это шанс. Олька там со своим ЭКО, мне только нервов не хватало.

Сползаю по стене, сажусь на корточки. Смотрю на Таньку, все животное поднимается с самых низов.

- Егор, я что, по-твоему, игрушка? Съемная квартира на колесах?

Когда она психует, то становится еще красивее, сексуальнее. Вскакиваю, подхожу к Тане.

- Ну что ты, - кладу руки на талию. Зарываюсь носом в капну ее волос. От них пахнет дорогим шампунем, кожей, молодостью. - Ты же моя будущая мама моих детей, забыла? Я серьезно. Просто сейчас так сложилось, но благодаря тебе ссылка может стать интересным приключением.

11

- Мам, я два договора буду делать. Я с врачом поговорила, она говорит, что пока я в браке, нельзя без подписи Егора в протокол идти. Я не знаю, почему - законы такие.

Я сижу столом - передо мной три стопки бумаги. Первая - согласие супруга на проведение процедуры экстракорпорального оплодотворения и криоконсервации половых клеток. Егор должен его подписать, без этого клиника не возьмет меня в протокол. Даже если я плачу сама, даже если готова на всё. Законы - они для всех, даже для таких отчаявшихся, как я.

Второй - заявление о расторжении брака, все заполнила, но жду отмашку от отца, чтобы дать ход делу.

Слышу, как ключ проворачивается в замке, как он швыряет сумку в прихожей.

Быстро сгребаю все со стола, складываю в книжный шкаф.

Егор заходит в гостиную, стоит, держится двумя руками за откосы. С одного взгляда понимаю, что он пьян.

- А ты чего такой? Как ты за рулем ехал? - от его состояния у меня нет слов, какой ужас.

- Оль, а ты тут что затихорилась? Бабло прячешь? - Егор смотрит на меня пьяными глазами. По спине бегут мурашки.

- Вот ты мне расскажи, что я тебе плохого сделал? Где дорогу твоему папеньке перешел, что он так меня ненавидит. Твой отец - козёл! - рявкает он. - Вот я хочу понять, может, ты мне что-то не договариваешь?

Конечно, я так просто взяла и все рассказала, наивный.

Смотрю на него спокойно, хотя внутри всё сжимается, близко подходить побаиваюсь. Егор редко пьет, и в таком состоянии, как сейчас, я его никогда не видела.

- Что случилось?

- Что случилось?! Он меня сначала в какую-то дыру сослал, где даже связи нет! Ты представляешь, что это такое? Поле, бытовка, вокруг ни души. Я должен там жить месяц! С вонючими рабочими, в общаге, где даже нормального туалета нет! Ну, я для себя отдельную смету сделал, бытовочку получше, чтобы руки было где помыть, чтобы кровать нормальная, сама понимаешь, у меня спина не казенная.

Он ходит по кухне, размахивает руками, задевает стул. Я молчу.

- А теперь, - он останавливается, смотрит на меня, - теперь он выделил денег на проживание! Ты готова? Три копейки! Три! Где я там буду жить? В норе? Я хотел нормальную бытовку, отдельную! Чтобы кровать была нормальная, чтобы душ был, чтобы я не спал с этими… с этими разнорабочими! А он мне - экономь, Егорушка!

Хочется рассмеяться ему в лицо, ах, хотел с комфортом, чтобы Танюшку с собой взять. Так пусть она с тобой и в богатстве, и бедности.

- Егор, я понимаю, тебе тяжело. Но что я могу сделать? Это мужские дела. Ты сам говорил, я в них не лезу.

Он смотрит на меня так, будто я ударила его.

- А что ты можешь, жизнь мою ломать? Ныть, что у ты хочешь ребенка, что у тебя свои планы на жизнь. Я, по-твоему, джин, что должен все для тебя делать просто по щелчку пальцев?

Я киваю, делаю вид, что обдумываю.

- А вот пусть он сам туда чешет! - снова взрывается Егор. - Пусть сам командует своей стройкой! А я здесь останусь, с тобой, с нашими… Меня уже тошнит от вашей семейки...

А вот и честность подоспела, что еще он мне скажет? Так и до появления Тани в его планах не так далеко.

- Егор, - говорю я мягко, пододвигаю к нему первый лист. - Ты не мог бы это подписать? Мне в клинику завтра. Без твоего согласия не начнут стимуляцию.

Он смотрит на бумагу, как на змею.

- Это что?

- Согласие на ЭКО и заморозку. Ты же обещал. Помнишь? Перед командировкой сказал, что сначала генетика, потом протокол. Я согласилась, но нужно твоё разрешение.

Он читает, водит пальцем по строчкам, хмурится.

- Оль, ты серьёзно? Сейчас? Думаешь, самое время вот для этого всего? Как интересно, тебе на "хочушки" деньги, значит, есть, а я за эту стоимость бытовку себе могу самую лучшую купить.

Господи, как хорошо, что я знаю о двойном дне мужа. А если бы нет, то сейчас бы переживала, искала выход.

- Егор, врач сказала, нельзя тянуть, каждый месяц на счету. Ты же сам понимаешь.

Он сжимает лист, мнёт угол, в глазах ярость.

- Я ничего не подпишу, - тихо, но твёрдо говорит он. - Пока твой папаша-придурок не уймётся. Пока он не отменит эту чёртову командировку. Пока он не начнёт уважать меня. Поняла?

- Егор…

- Нет! - он бьёт ладонью по столу. - Я сказал: ничего не подпишу. Ты хочешь ребёнка? Уговори отца считаться с моим мнением, уважать меня.

Он разворачивается и уходит в спальню.

Я остаюсь на кухне. Беру договор, который он измял, расправляю. Смотрю на пустую строчку для подписи.

Потом встаю, иду к дальнему ящику. Достаю папку. Заявление о разводе. Там тоже есть строчка для подписи. Две строчки. Для моей и для его.

Я еще не решила, какую заполню первой.

Звонок от отца. Беру трубку.

- Пап, привет. Егор вернулся злой, как чёрт. Говорит, ты его сослал в глушь и денег дал три копейки.

- Пусть радуется, что я его вообще не вышвырнул, - сухо отвечает отец. - Ты дала ему документы?

- Да. Он отказался подписывать. Сказал, пока ты не уймёшься.

Отец усмехается. Я слышу, как он зажигает сигару, этот звук знаком с детства.

- Оль, ты поняла, что он тебе только что сказал? Он не хочет детей, а хочет власти. Я завтра с ним погорю, он все подпишет. А через месяц будет очень рад, остаться хотя бы бытовке.

12

Егор

- Ну, что ты ноешь, Егор, скоро доедем, сам все увидишь! - тесть строит из себя хозяина жизни. - За Ольгой мы присмотрим, не волнуйся. Да, она и сама уже взрослая, у моих родителей уже в сорок внуки были.

Опять двадцать пять! Зачем он приводит мне странные доводы, что я должен с ними делать.

- А у нас и в пятьдесят детей не будет такими успехами, - старюсь держать себя в руках. Этот старый пень, точно что-то задумал.

- Егор, ну, конечно, именно в это новолуние все надо успеть. Месяц в вашем деле уже ничего не значит.

- Вот сейчас-таки значит, - огрызаюсь. Но понимаю, что пора сбавить тон, пока мне по башке не прилетело.

Дорога - это пытка. Сначала двести километров по трассе, которая больше похожа на стиральную доску. Меня подбрасывает на каждом стыке, голова бьется о подголовник, хотя я пристегнут. Тесть за рулем своего черного "Ленд Крузера" веселится, напевает что-то из блатняка.

- Пап, ну зачем я там?- начинаю в сотый раз. - У меня отчеты, совещания, Таня... то есть Оля, ей нужна поддержка. Протокол вот-вот начнется. Я нужен в городе.

Он не смотрит на меня.

- Ты кормилец семьи, Егорушка, - говорит он ледяным тоном. - Вот и зарабатывай. Деньги сами не придут.

- Так, я и зарабатываю! - не выдерживаю. - Переговоры, контракты, я приношу прибыль, а не просиживаю штаны на стройке!

Он усмехается. Эту усмешку я ненавижу больше всего -снисходительную, почти жалостливую.

- Приносишь, говоришь? - он медленно поворачивает голову, и его глаза - два стальных шарика - впиваются в меня. - А кто тебе эти контракты дал? Кто поручился за тебя, когда ты еще ничего не стоил? Кто вложил в тебя деньги, время, связи? Не ты, Егор, я кормилец этой семьи. А ты пока просто... нахлебник.

Я сглатываю. Он никогда не говорил этого так прямо.

Мы сворачиваем с трассы на грунтовку. Сначала еще терпимо, но потом дорога превращается в месиво. Грязь летит во все стороны. Я смотрю в окно: вокруг поле, потом лес, потом снова поле. Ни домов, ни машин, ни людей.

- Сколько еще? - спрашиваю я.

- Полтора часа.

- Чего?!

- Грунтовки. Нам туда. Работа есть работа, Егор. Ты думал, тебе будут цветы дарить за то, что ты мой зять?

Я сжимаю кулаки. Если бы он был моим ровесником, я бы уже выскочил из машины и ушел пешком.

Через час бесконечной тряски мы въезжаем в какой-то хутор. Я даже не знаю, как это назвать. Пять домов, полусгнивших заборов, ни души. Грязь по колено. Дорога заканчивается у ржавого ангара.

- Приехали, - говорит тесть и глушит мотор.

Я выхожу. В лицо бьет ветер, пахнет сыростью, навозом и чем-то еще - прелым зерном или гнилыми досками. Достаю телефон - ноль сигнала, интернет - тоже ноль.

- Это где мы? - мой голос срывается на фальцет.

- Будущая стройка. Зернохранилище на пятьдесят тысяч тонн. Здесь будет фундамент, потом каркас, потом кровля. Ты - начальник стройки.

- Начальник чего? - оглядываюсь. - Здесь даже электричества нет!

- Генератор привезут. - Он спокоен, как скала. - Завтра.

- А связь?!

- Спутниковый телефон будет. Только по делу. Интернет не для развлечений, а для работы. Ты приехал работать, Егор, или как?

- Я не могу здесь жить! - ору я, уже не контролируя себя. - Ты издеваешься? Это ссылка! Ты меня сослал, как врага народа!

Тесть поворачивается ко мне, медленно.

- Егор, - говорит он тихо, почти шепотом, - ты сейчас скажешь еще одно слово - и я тебя тут прикопаю. И не найдут. Земли тут много, а людей мало. Ты понял меня?

Я застываю. Внутри все холодеет. Я смотрю в его глаза - и там нет ни тени шутки.

- Я... я понял, — выдавливаю я. - Не жили нормально, вот и нечего начинать.

- Да не ной! Мужик, ты или кто? Я кому наследство оставлять буду, докажи, что достоин! - Он кивает на старый домишко в ста метрах от ангара. - Вот тут будешь жить. Мы его купили для рабочих. Не гостиница пять звезд, но все есть.

Я подхожу ближе. Домик - бревенчатый, с покосившейся крышей, с окнами, заклеенными пленкой вместо стекол. Рядом покосившийся туалет, типа "скворечник". Внутри, скорее всего, ни душа, ни горячей воды.

- Пять звезд, говоришь? - бормочу я.

- Печка есть, кровать есть, чайник электрический от генератора. Продукты привезут раз в три дня. Будешь готовить сам.

- Я? Готовить? - я смеюсь, но смех выходит истеричным. - Я не умею готовить!

-Ну разносолов не обещаю. Мужики тут яичницу жарят, как-то справляются, бригада сегодня заедет.

Он направляется обратно к машине. Я бегу за ним.

- Пап! Пап, ты что, серьезно? Ты меня здесь одного оставляешь? А если я заболею? А если что-то случится?

Он садится за руль, захлопывает дверь. Опускает стекло.

- Егор, ты не заболел. Ты просто стал слишком мягким. Поживешь тут месяц, подумаешь о жизни, о семье, о деньгах, духом и телом окрепнешь. Я для твоего блага все делаю, без алкоголя и табака, нервов, на свежем воздухе - головастики твои окрепнуть, вот потом с Олькой внука мне и заделаете. Здоровье нагуливай!

Он заводит мотор.

- Ты еще пожалеешь, - шепчу я, но он уже не слышит.

Машина уезжает по разбитой дороге, оставляя за собой облако грязи и пыли. Я стою в центре хутора. Один, среди поля, леса и только что начавшегося дождя. Телефон показывает "нет сети".

Я иду к домику. Открываю дверь. Внутри стол, стул, железная кровать с матрасом, который выглядит так, будто его пережил еще Брежнев. На столе спички, пачка соли и кружка.

Сажусь на кровать. Достаю телефон.

- Таня, - шепчу я в пустоту. - Тань, если бы ты знала, где я...

13

Ольга

- Птичка на базе, - отец громко смеется в трубку. Из-за шума вокруг него не сразу понимаю, что он говорит. - Мужика твоего в лес вывез, как мачеха падчерицу в "Морозко". Собирайся, иди рабочее место обживай.

Ощущение, что папа немного пересмотрел фильмов про мафию, но быть частью сюжета тоже смешно.

- Оль, я хочу, чтобы ты сегодня заехала в офис. В кабинет Егора. Надо разобраться с документами. И присмотреть, как там идут дела. Я дал распоряжение - ты теперь временно исполняешь его обязанности, пока он на выселках.

Я замираю.

- Пап, я не хочу… я никогда не лезла в его дела.

У меня свои планы, сегодня с утра сделала первый укол для стимуляции. Двадцать минут собиралась с мыслями, раз сорок терла место на животе спиртовой салфеткой. Понимаю, зачем мне это все не нужно, но инстинкт самосохранения тоже у меня о-го-го.

- А сейчас полезешь. Ты должна знать, что там происходит. Деньги утекают, и я хочу понять, куда. Он что-то мутит, я чувствую. Проверь его стол, его бумаги, ну и привыкай, потом заменишь его. В общем, приезжай.

- Я бы в декрет собралась лучше...

- Олюшка, с этим я тебе помочь не могу, хотя жениха бы лучше тебя нашел. Но ты схватила этого, я смирился.

Мне уже было за тридцать, все подруги замужем, с детьми. А у меня в жизни была только наука, мама нудела, что я свое время проморгала, теперь разведённый или вдовец. А Егор был просто свободным мужчиной, и я за него сначала ухватилась, как за последний шанс. Нерастраченной любви было много, вот и прикипела.

Собираюсь, не спеша, выбираю строгий костюм, который почти не ношу. Темно-синий пиджак, прямые брюки. Волосы собираю в пучок. Макияжа минимум, но так, чтобы выглядеть уверенно. Еду в офис. Прохожу мимо стеклянных дверей, где недавно сидела с лоточком плова в обнимку.

Кабинет Егора на третьем этаже, с панорамным окном. Огромный стол, кожаное кресло, на стене дипломы и сертификаты, которые он повесил, чтобы казаться важным.

Сажусь в его кресло. Оно слишком мягкое и огромное. Мне неуютно, но я заставляю себя положить руки на стол, открыть ноутбук. На экране - его рабочий стол, папки с контрактами, отчёты.

Что я здесь ищу?

Дверь приоткрывается, и входит она. Таня. У неё короткое платье, каблуки, волосы распущены. Она улыбается - привычная фальшивая улыбка, которую она дарит всем в офисе.

- Егорушка, а угадай, что у меня для тебя есть!

Она видит меня за столом Егора, улыбка застывает, а потом медленно сползает.

- Ольга Викторовна? - голос её звучит на тон выше обычного. - Вы здесь? А где Егор Сергеевич?

- В командировке, - отвечаю я спокойно. - На месяц. Папа попросил меня присмотреть за делами.

Она моргает. Я вижу, как её глаза пробегают по моему лицу, по моему костюму, по моим рукам, которые лежат на столе Егора.

- А… а вы разбираетесь в этом? - она кивает на бумаги, пытаясь улыбнуться. - Я думала, вы по химии.

- Ну, уж если я с химией разобралась, то все остальное ерунда. Так что, Татьяна, пока Егора нет, все вопросы - ко мне, если что-то нужно - подходите.

Она молчит. Лицо её меняется: сначала растерянность, потом плохо скрытое раздражение. Она привыкла, что в этом кабинете - власть мужчины, и к этому мужчине у неё есть доступ.

- А у нас что, власть меняется? - она старается, чтобы вопрос звучал игриво, но сильно фальшивит.

Я смотрю на неё в упор. Вспоминаю все те вечера, когда Егор задерживался на работе.

- Власть - не моя тема, Таня, - говорю я ровно. - Но пока Егора нет, я буду сидеть в этом кабинете. Не для того, чтобы что-то менять, пока. Вы же понимаете, когда хозяина нет, всякое случается. У вас было что-то для моего мужа! Не хотите мне показать, я ему передам.

Она бледнеет.

- Вам показалось, ничего такого я не хотела сказать.

Она разворачивается и выходит. Не закрывает дверь, хлопает ею так, что дрожит стекло.

Я остаюсь одна. Смотрю на экран ноутбука. Пальцы дрожат, но я заставляю себя успокоиться. Я выиграла этот раунд, но война только начинается.

Через полчаса она возвращается, в руках папка. Смотрит на меня уже с вызовом.

- Вот, - кладёт на стол. - Подпишите. Это срочно.

Я беру папку, открываю. Внутри - отчёт о перевозке каких-то материалов. Если отец мне так доверяет, я не могу его подвести.

- Спасибо, все, что у нас супер срочно, что называется, "нужно было еще вчера", то отправляйте на почту моему отцу. А все, что просто срочно - подписываю я, но сначала все проверяю.

Она сжимает губы. Кровь отливает от лица.

- Хорошо, - цедит сквозь зубы. - Как скажете.

Звоню отцу.

- Пап, я чувствую себя дебилкой, я в отчетах не разберусь без твоей помощи.

- Оль, а тебе и не надо, шороху навела? Можешь с чистой совестью крови у любовницы Егоркиной попить.

14

- Весь мир - театр, а главная в нем клоунесса.

Смотрю на себя в зеркало заднего вида, да, уж, тоже мне бизнесвумен.

После офиса я еду к родителям. Не могу оставаться одна в пустой квартире, где каждая вещь напоминает о Егоре. Мне нужно услышать чей-то голос, мамин голос я знаю лучше всех - он всегда был громче отцовского, хотя именно отец всегда принимал решения.

Паркуюсь у знакомого дома, поднимаюсь по лестнице.

- Оля, ты что-то снова не очень выглядишь, - мама встречает меня на пороге, я вижу: она ждала. Она всегда ждёт, когда я приду и расскажу, что у меня болит. - Ты какая-то бледная. Ела сегодня?

- Мам, я не голодна. Давай просто посидим. Я сегодня была в офисе, ну и выяснилось, что тупая и безвольная. Как я могу подписывать бумаги, если ничего не понимаю. Знаешь, я видела, как бойцы в боксе себя ведут - у них перед спарингом - битва взглядом. И как бы мне стыдно сейчас ни было, но я ее проиграла. Может, Танька и не поняла этого, но для меня все понятно и однозначно.

Мы идём на кухню. Мама ставит передо мной чай, садится напротив. Смотрит своими выцветшими глазами - в них тревога, усталость и что-то ещё, что я не могу прочитать.

- Я смотрела ей в глаза и говорила как начальница. Мам, это так дико - строить из себя стерву, строить козни. Я всегда была другой, не умею быть жёсткой.

Обычно говорят, что нелюбовь портит детей, а, оказалось, что и чересчур большая любовь, и опека не делает человека счастливым.

Мама качает головой. Вздыхает, берёт мою руку в свою, но сжимает так, что мне больно.

- Оль, ты думаешь, это игра? Ты думаешь, можно быть доброй и всё само собой рассосётся? Ты прости его сейчас, он ноги об тебя снова вытрет! Прямо сейчас, в этом кабинете, если ты моргнёшь - он вернётся из командировки, снова начнёт канючить, снова будет обещать, и ты опять растаешь. И что? Опять десять лет впустую?

Я открываю рот, чтобы возразить, но она перебивает.

- Мы виноваты! - голос её повышается, я слышу в нём ту самую сталь, которую редко слышу. - Мы с отцом виноваты, что ты выросла как блаженная. Весь мир для тебя - хороший. Ты верила Егору, верила его словам, не смотрела на дела. Ты думала, все вокруг - ангелы. А он что? Человек, который женился ради денег, изменил тебе, обманывал, даже не собирался иметь детей. И ты говоришь, что тебе дико строить из себя стерву?

Я молчу. Мама встаёт, подходит к окну, смотрит на улицу.

- Оль, твой отец для тебя это всё строит. Он уже стар, у него сердце больное, но он впрягся за тебя. Он рискует бизнесом, репутацией, всеми связями, только чтобы защитить тебя. Потому что больше некому. Ты что, не понимаешь? Если ты сейчас дашь слабину - предашь его. А больше всего предашь себя и свое желание иметь детей.

Я поднимаю глаза. Мама оборачивается, смотрит на меня прямо. Её губы поджаты, на лбу глубокая морщина.

- Оль, тебе почти сорок лет, включи мозги. Не как мамина дочка, а как взрослая женщина. Ты химик, ты учёный, ты умеешь анализировать. Проанализируй свою жизнь. Кто тебя любит? Кто ради тебя горы свернёт? Твой отец. А Егор? Что он сделал для тебя за десять лет? Ничего. Кроме того, что высасывал твои силы и деньги твоего отца.

Она замолкает, и в этой тишине я слышу, как стучит моё сердце. Внутри всё переворачивается не от обиды, а от правды. Она права, каждое слово, как удар молотом по моей хрустальной башне, которую я строила десять лет. Я знала это, но боялась признаться.

- Мам, - говорю я тихо, - ты права.

Она подходит, садится рядом, гладит меня по голове.

- Конечно, права, дурочка. Я же мать. Я тебя насквозь вижу. Ты боишься быть плохой, а иногда плохой, значит, правильной для себя. Если хочешь ребёнка - ты должна быть сильной.

- Мам, я его никогда не прощу, - цежу сквозь зубы.

Внутри все переворачивается. Как же сложно быть взрослой, сначала тебя затыкают, учат быть доброй, благородной, сглатывать все, что тебе противно и чуждо, а когда вырастаешь, не понимаешь, что с этим всем делать. Злость кипит внутри, но я как будто боюсь ее выпустить.

- Оль, ты подумай, как жить дальше будешь.

- Да, я уже все решила. Вещи Егору соберу и буду с нетерпением ждать его возвращение.

Про тихий ад для Тани решаю умолчать, чтобы не выглядело слишком пафосно.

15

Таня

Я выхожу из кабинета и с такой силой закрываю дверь, что стекло в соседней переговорке жалобно звенит. Ноги ватные, руки трясутся, ощущение, что по мне проехал трактор. Это еще хорошо, что Олька - эта дура беспросветная, и дальше своего носа ничего не видит.

Почему Егор не предупредил, что эта бесхребетная вместо него будет.

Захожу в свой отдел, сажусь за компьютер. Пытаюсь открыть документ, но перед глазами - её лицо спокойное, уверенное, без единой эмоции. Она даже не повысила голос. Просто сказала: "Я посторожу", ну точно Каштанка!

- Ты слышала? - ко мне подходит Ленка из бухгалтерии, подружка-шептунья, которая знает всё обо всех. - Говорят, Егор Сергеевич в командировку уехал, а вместо него жена села. Это надолго?

- Понятия не имею, - пожимаю плечами, стараясь говорить небрежно. - Он мне ничего не говорил. Он же не докладывает каждой секретарше.

- Ну ты же не просто секретарша, - Ленка подмигивает.

Ох уж эти ужимки. Я знаю, что подруга в курсе моих дел, но мы никогда не говорим об этом прямо. Приходится и перед ней держать лицо, чтобы сплетки кубарем не покатились.

Звоню Егору - тишина, гудок не идет. Перезваниваю ещё раз - недоступен. Чёрт! Что за прикол!

Пишу сообщение: "Срочно! Олька заняла твой кабинет. Она уже проверяет отчёты. Что делать?" Отправляю, но галочка не загорается. Не доставлено. Связи нет.

Выхожу в коридор, иду к кулеру. Там уже собралась стайка сотрудниц - Марина из кадров, Света из маркетинга. Они что-то обсуждают вполголоса, но когда я подхожу, замолкают.

- Тань, а правда, что Ольга Викторовна теперь главная? - спрашивает Света, делая большие глаза.

- Правда, - говорю я, стараясь говорить ровно. - Но я думаю, это временно. Егор Сергеевич вернётся, и всё станет на свои места.

- А она вообще разбирается в бизнесе? Она же химик, - усмехается Марина. - Будет смотреть на накладные как на формулы?

- Наверное, папочка поможет, - я не могу удержаться от колкости. - Ей же всё на блюдечке приносят. Она даже не знает, как оформляется заявка на материалы, а уже в начальственном кресле.

Девушки переглядываются. Я вижу, им интересно, и я продолжаю.

- Представляете, она даже не поздоровалась со мной нормально. Сидит как царица, пальцем шевелит. Мол, принесите, покажите документы, а! Она вообще понятия не имеет, чем мы здесь занимаемся. Её задача - занять место, пока муж в командировке.

- Но она же жена директора, - робко замечает Света.

- Жена, - усмехаюсь я. - А где она была все эти годы? Правильно, дома. Готовила ужины, стирала носки. А теперь вдруг решила, что бизнесвумен? Без образования и опыта, это могут компенсировать только папины деньги.

Мне становится легче от этих слов. Я сбрасываю напряжение, перекладывая его на неё. Пусть все знают, что она некомпетентна.

После обеда я снова пытаюсь дозвониться Егору. Всё та же пустота. Я начинаю паниковать. Что, если он не вернётся? Что, если его засада, и он решил, что я ему больше не нужна? Что, если тесть что-то знает и держит его там, чтобы он не мешал?

К шести вечера я в отчаянии набираю его номер уже в десятый раз. И вдруг - гудки! Короткие, прерывистые, я замираю, сжимаю телефон так, что костяшки белеют.

- Егор?! - кричу я в трубку, когда он поднимает. - Ты где? У тебя связи нет, я уже умираю от неизвестности!

На том конце шум ветра, какой-то скрип, и его голос, тихий, уставший, почти сломленный.

- Тань... я почти в чистилище. В глуши. Ни связи, ни света, ни людей. Тесть меня сюда сослал на месяц.

- Давай, я к тебе приеду! - я вскакиваю с кресла. - Скрашу твое одиночество. Могу на отпуск без содержания заявление написать.

- На выходные приезжай, я тебе список всего необходимого скину, купи, ладно. Тут горячей воды нет, со мной бригада строителей, у них переносная баня есть, на палатку похожа.

- А как вы моетесь?

Даже думать не хочу, какой у них там "аромат" стоит от трудовых, немытых тел.

- Егор, - я перехожу на шёпот, хотя рядом никого нет, - твоя Олька здесь, в офисе. Она сидит в твоём кабинете, проверяет документы. Уже задержала мой отчёт, сказала, что покажет отцу. Ты понимаешь, что это значит?

В трубке молчание. Только ветер.

- Тань, ну что она там понимает. Ты с ней сдружиться попробуй. Она может на вид строгая, а так абсолютно бесхитростная, как ребенок. Ты к ней подход найди, скажи, что без меня тут все валится, что работа стоит. Только не спеши, а то карты нам все смешаешь.

- А что с нами? - мой голос дрожит.

- Да все нормально будет, я ж не на пожизненном тут, - он устало вздыхает. - Мне нужно как-то продержаться этот месяц.

- Егор! - но связь обрывается.

16

Оля

Я сижу в его кабинете уже четвёртый час. Время здесь течёт по-особенному: тягуче, вязко, будто я застряла в чужом сне. Голова гудит от цифр, договоров, подписей, мелких шрифтов, которые сливаются в одну серую массу, когда глаза устают.

Кабинет Егора всегда казался мне чужим. Слишком дорогим, слишком мужским. Я выучила его стол наизусть за эти четыре часа: где лежат старые чеки - в левом ящике, под папкой с зажимами.

Я потягиваюсь, разминаю затёкшую шею, смотрю на свои пальцы, они чуть дрожат от усталости и оттого, что я уже два дня колю себе гормональные уколы. Ощущение странное: я одновременно и хозяйка своей жизни, и заложница собственного тела. Но сегодня я решила: я буду делать то, что должна. Даже если страшно.

Внезапно на столе загорается экран стационарного телефона - того самого чёрного аппарата, что стоит рядом с компьютером. Я не слышала его звонка за все эти дни, но сейчас он мерцает бледно-зелёным, и номер на дисплее - странный, с какими-то дополнительными цифрами. Спутниковая связь - единственный канал, который оставил ему отец, только для экстренных случаев. Или для того, чтобы напомнить, что он всё ещё существует.

Я смотрю на экран несколько секунд. Сердце начинает биться чаще. Я не хочу брать трубку. Я знаю, что он скажет, но если я не возьму, он будет звонить снова и снова. Вздыхаю, провожу ладонью по лицу, снимаю трубку.

- Оль? А я на твой мобильный не дозваниваюсь, - голос Егора звучит глухо, с помехами, будто он говорит из глубокого колодца. - Ну что, удобно устроилась на моём месте? Кресло не натирает? Или оно тебе великовато, как и вся эта работа?

Я молчу секунду. Его настроение мне понятно: он зол, унижен, напуган, и всю свою злость видимо, собирается сейчас вылить на меня. Я всегда была той самой "безопасной" мишенью, никогда не давала сдачи. Мама была права - никакого стержня у меня нет, всегда пряталась за отцовскими плечами, за его деньгами, за его авторитетом. И даже сейчас, сидя в этом кресле, я чувствую себя самозванкой.

Но внутри там, где раньше была только пустота, рождается что-то новое. Я помню вчерашний разговор с мамой. Её голос, пробивающий мою броню: "Ты почти сорок лет, Оль, включи мозги".

- А ты знаешь, нет, - говорю я, и голос звучит ровнее, чем я ожидала. - Всё идеально. Я вот уже думаю, может, мне тоже хватит за вашими с отцом широкими спинами прятаться, пора уже и самой на свои мелочи зарабатывать. Кресло, кстати, удобное, ты зря на него жаловался.

На том конце - пауза. Он не ожидал такого ответа. Обычно я начинаю оправдываться, лепетать, просить прощения за то, что посмела занять его место.

- Оль, ты ребёнка хотела, - наконец говорит он, и голос становится масляным, почти ласковым. - Сама же сто кругов ада согласна пройти, чтобы родить. А теперь ещё и бизнес? Это как? В родзале будешь последние вопросы решать? Ты, может, и костюм мой надеть собралась? Я не знаю, что там тебе сейчас отец говорит, но мне мужик в юбке не нужен. Мне нужна жена, а не партнёр! Уют, комфорт, вкусная еда и чистые рубашки. Я разве не заслужил? Или мы с твоим батьком теперь твои потребности не закрываем? Они так быстро растут?

Он говорит, а я смотрю на разложенные передо мной документы. Вижу его подпись на одной из накладных. Сумма - полтора миллиона, подпись - размашистая, уверенная. Он подписывал это, когда говорил мне, что денег нет на ЭКО, когда я плакала в ванной от очередного отрицательного теста.

- Егор, - говорю я тихо, - я просто смотрю за порядком. Ты в командировке, кто-то должен вести дела. Я не собираюсь ничего менять, пока ты не вернёшься. Я же не лезу в твою стратегию. И потом, мешать никак не буду.

Он молчит. Я слышу, как на том конце воет ветер - там, в его хуторской ссылке, наверное, холодно и сыро. Потом его голос становится мягче, почти заботливым, как у хирурга перед операцией:

- Оль, послушай. Мы с тобой взрослые люди. Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Ты переживаешь, гормоны, этот протокол… Я знаю, ты не хочешь меня обидеть, но не надо рубить сплеча. Ты же не понимаешь, что такое бизнес, это не твоё. Ты химик, ты в пробирках разбираешься, а здесь… здесь всё сложнее.

Он пытается вернуть контроль. Я слышу это по голосу, он срывается на фальцет.

- А здесь, - перебиваю я, и в моём голосе появляется сталь, которую я никогда не слышала в себе раньше, - я тоже разберусь. Знаешь, говорят: одна голова хорошо, а с мозгами - лучше. Так вот, у меня они есть. И я намерена их использовать. Не для того, чтобы тебя уничтожить, а чтобы, наконец, понять, что происходит с нашими деньгами, с нашей жизнью. И вообще, Егор, мне кажется, нам полезно друг от друга отдохнуть. Тебе - в поле, мне - в этом кабинете.

Он сглатывает. Я слышу этот звук даже сквозь треск помех. Он растерян. Я почти вижу его лицо — красное, с выпученными глазами, с этой его привычкой теребить переносицу, когда он не знает, что ответить.

17

Таня

- Тань, ты слышала? Ольга Викторовна заявила, что не отдаст кабинет, пока Егор не вернётся. И что она будет лично следить за всеми контрактами. Это война, подруга, - Ленка из бухгалтерии всегда знает всё на два часа раньше. Она подходит к моему столу и, делая вид, что ищет накладную.

Я не отвечаю. Улыбаюсь, киваю, что-то невнятное говорю про отчётность, слова вылетают сами, без участия мозга. Ленка уходит, а я остаюсь сидеть за своим столом, глядя на экран монитора, но не вижу ни цифр, ни строк. Внутри всё обрывается, падает куда-то вниз, в холодную пустоту.

Значит, Ольга не просто смотрит за порядком, а уже вцепилась и не отпустит: ни Егора, ни бизнес, ни деньги. Я чувствую это каждой клеткой, она будет держать его, шантажировать, тянуть, пока не выжмет всё.

Я любовница без прав, без гарантий, без будущего. И если я сейчас ничего не сделаю, я потеряю всё: Егора, деньги, надежду на нормальную жизнь. Она победит, потому что у неё есть отец, адвокаты и закон. А у меня есть только смелость и отчаяние.

Я встаю, беру сумку, выхожу из офиса. В голове зреет план безумный, опасный, но единственно возможный. Я поеду к нему сегодня же. Пока она сидит в его кабинете и перебирает его бумаги, я буду рядом с ним. Я напомню ему, кто он есть и кто я. И мы придумаем, как вырваться из этой ловушки.

Перед поездкой решаю позвонить. Набираю номер Егора раз, другой, третий. Никакого сигнала, только тишина. Четвёртый раз - и вдруг короткие гудки. Он поднимает трубку на пятом, голос хриплый, уставший, но я слышу, как он оживает, когда понимает, что это я.

- Тань? - голос срывается, но он старается говорить бодро. - Ты как? Что там в городе?

- Егор, - говорю я, стараясь не выдать панику, - у нас проблемы. Олька не собирается сдаваться.

Он молчит, слышно только, как ветер гуляет в динамике.

- Я понимаю, - наконец говорит он. - Я тут сам как в западне. Бригада на выходные домой уехала. Я один на всём объекте. Но есть трактор старый, в ангаре, и бульдозер. Если надо, могу попробовать вырваться, - он начинается смеяться.

Ну вот, тракториста в моей биографии еще не было. Дожилась, куда еще ниже я упаду?

- Ко мне, - говорю я. - Приезжай ко мне. Или я к тебе давай приеду к тебе на выходные. Мы всё обсудим, придумаем план.

- Тань, ты с ума сошла? - он почти смеётся, но смех нервный. - Сюда триста километров, из них почти полтора часа - такая грязь, что даже трактор буксует. Ты на своей легковушке не проедешь.

- Проеду, - упрямо говорю я. - Я не боюсь грязи. Я боюсь, что мы потеряем связь, потеряем друг друга.

Он вздыхает, что-то обдумывает.

- Ладно. Только будь готова, что царского приёма не будет. Здесь даже воды горячей нет. И не говори, что я не предупреждал.

- Я приеду, Егор. Я не брошу тебя там.

Я сбрасываю звонок и начинаю собираться. Подготавливаюсь серьезно: термос с кофе, плед, аптечка, несколько бутылок воды, консервы. Думаю, что там не все так страшно, просто Егор нежный и не привыкший к трудностям.

Выезжаю, темнеет быстро. Включаю дальний свет, еду размеренно, но без остановок. Мысленно прокручиваю разговор с Ольгой в кабинете - её спокойное лицо, её стальной голос. Она больше не та серая мышь, которая пряталась за спиной мужа. Теперь она, как хищница. И если я хочу сохранить Егора, я должна быть быстрее, жёстче, хитрее.

Через двести километров начинается грунтовка. Сначала терпимо, потом - ад. Колеи, грязь, лужи, которые кажутся бездонными. В поле уже темно, какого черта я не дождалась утра. Машину бросает из стороны в сторону, я сжимаю руль до боли в пальцах. В какой-то момент я чувствую, что колёса начинают буксовать. Я выхожу - по щиколотку в грязи, под ногами хлюпает вода. Черт, только этого мне не хватало! Ничего меня не остановит, еду медленно, но верно.

В какой-то момент я уже не вижу дороги - только фары выхватывают из темноты деревья, кусты, бесконечное поле. Навигатор показывает, что я близко. Ещё полчаса и я вижу огонёк. Маленький, тусклый, словно одинокая свеча в ночи.

Подъезжаю к домику. Глушу мотор, в такой глуши я впервые. Выхожу, и ветер тут же пробирает меня до костей. Подхожу к двери, стучу. Она открывается почти сразу - Егор стоит на пороге, бледный, небритый, с красными глазами. На нём ватник, который ему явно велик, и тяжёлые кирзовые сапоги.

- Таня, - он смотрит на меня, и в его глазах - шок, неверие, а потом - облегчение. - Ты… ты реально приехала?

Я не отвечаю, просто кидаюсь к нему, обнимаю, прижимаюсь всем телом, чувствуя, как он дрожит. От него пахнет дымом, сыростью, усталостью. Он обнимает меня в ответ, и я чувствую, как его руки сжимаются так сильно, будто он боится, что я исчезну.

- Егор, - шепчу я, пряча лицо у него на груди, - ты не преувеличивал. Ты и правда в аду, я бы точно такого не потерпела, обобрала эту семейку до ниточки и вышвырнула. Просто по тысяче за каждую минуту этого унижения, потери человеческого достоинства.

Он усмехается, но усмешка выходит горькой.

- Это ещё цветочки. Внутри ещё хуже. Пойдём, я тебе покажу свою новую резиденцию.

Он берёт меня за руку, ведёт внутрь. Ожидаю увидеть практически темницу или тюремные казематы.

Оказывается, обычный деревенский дом, за которым мужики не следят. Пахнет затхло, потно, дымно. Женской руки тут точно не хватало, завтра подумаю, как привести этот шалаш в порядок.

Я сажусь рядом, беру его ладони в свои.

- Я не дам тебе сломаться. Мы выберемся. Я уже кое-что придумала. Но для этого мы должны действовать вместе.

Он поднимает на меня глаза. Блин, Егор, ну ты чего раскис, с таким настроением на бой с быками не ходят. Не пойму, как его разозлить, подзадорить, чтобы вернулся прежний Егор.

- И что ты придумала?

18

Егор

Я не верю своим глазам. В этой темнице беспросветной появляется солнце.

- Таня, я не верю своим глазам!

Она стоит на пороге, грязная, уставшая, но такая живая, такая настоящая, что я чувствую, как на секунду становится тяжело дышать, но от избытка воздуха.

Она приехала, преодолев у проклятую грунтовку, через грязь и темноту - она здесь. Моя Таня, Танюша. Я смотрю на неё, и внутри разливается что-то горячее, почти забытое. Не просто желание, что-то большее. Я хочу её не только телом - я хочу быть с ней, чувствовать её рядом, чтобы она заполнила эту пустоту.

Думаю, в Средневековье, когда хотели наказать человека, то отправляли его в подобные условия.

- Ты реально приехала? - шепчу я, и голос срывается.

- Егор, - говорит она, отстраняясь, заглядывая в мои глаза, - ты не преувеличивал. Ты и правда в аду, но вместе, мы все преодолеем.

Не хочу ничего слышать. Мне сейчас хочется совсем немногого: хороший эспрессо, горячий душ и пахучий гель, мягкую кровать и Таньку рядом. Сейчас у меня нет сил ее удивлять сексуальными подвигами, но я бы с удовольствием посмотрел, как она надо мной старается.

Я веду её внутрь, сажаю на единственный приличный стул, сам падаю на кровать, не в силах отвести от неё взгляд. Она начинает рассказывать быстро, сбивчиво, почти шепотом, как будто боится, что нас подслушивают.

- Олька заняла твой кабинет. Сидит в твоём кресле, перебирает документы. Она уже нашла какие-то накладные, я не знаю, что именно, но она смотрит. Ленка из бухгалтерии сказала, что она не отдаст место, пока ты не вернёшься. Она хочет тебя удержать. Егор, я так боюсь тебя потерять! Я понимаю, что ты любишь комфорт, но кто его не любит. Я бы с тобой и в таких условиях осталась и быстро привела все в порядок. Сам знаешь, с милым рай и в шалаше...

Но я не слышу её, вернее, я слышу, но не воспринимаю. Смотрю на её губы, они чуть припухшие от холода, на её шею, на то, как её куртка распахнулась и видно кружево блузки. Она здесь. Она приехала ради меня. Вся эта болтовня про Ольгу и деньги - мне сейчас не важна. Важна только она.

- Тань, - перебиваю я, вставая, подходя к ней, - хватит про Ольгу. Давай потом. Я так соскучился…

Я беру её за руки, притягиваю к себе. Она сначала пытается продолжать, открывает рот, но я не даю ей сказать. Я целую её жадно, голодно, почти грубо. Я хочу почувствовать её тепло, забыть про эту дыру, про тестя, про Ольгу, про все эти контракты и накладные.

- Егор, подожди, - пытается она, но я уже расстёгиваю её куртку, тяну блузку вверх.

- Ну, что, - шепчу я в её шею. - Я не могу больше ждать.

Она сопротивляется всего секунду, потом сдаётся. Её руки ложатся мне на плечи, пальцы впиваются в ткань ватника. Я целую её, и на мгновение мне становится стыдно, я не мылся нормально уже несколько дней, только протёрся влажными салфетками, которые мне оставили рабочие перед отъездом. Но она не отталкивает меня, она прижимается ближе.

Я веду её к кровати и падаю рядом с ней, прижимая к себе, чувствуя, как её тело дрожит то ли от холода, то ли от возбуждения. Я раздеваю её, глажу её кожу, и мне кажется, что я снова живой. Что этот кошмар - временный, мы скоро справимся.

Таня не отказывает мне. Она терпит мой запах, мою грязь, мою грубость. Она шепчет моё имя, и я понимаю: она любит меня... по-настоящему. И в этот момент я окончательно убеждаюсь: с Ольгой надо заканчивать.

Потом мы лежим в кровати, укрывшись тонким одеялом, и я смотрю в потолок. За окном ветер стих, стало тихо. Я глажу её волосы, вдыхаю её запах, и мне кажется, что я счастлив.

- Тань, - целую ее в шею. - Я разведусь с ней, как только выберусь отсюда. Я найму адвоката, я заберу всё, что смогу, и мы начнём новую жизнь. Ты со мной?

Она поворачивается, смотрит на меня, и в её глазах - такой свет, какого я не видел даже в самые лучшие наши дни.

- С тобой, - шепчет она. - Всегда.

Я прижимаю её к себе. В груди странное спокойствие, сейчас я знаю, что всё будет хорошо. У нас есть план. У нас есть любовь. И у нас есть сила, чтобы пережить этот ад.

Ее дыхание становится ровнее, тело тяжелеет. Через минуту она уже спит - глубоко, беззащитно, уткнувшись носом мне в плечо. Я смотрю на неё: на ресницы, на полуоткрытые губы, на то, как её волосы разметались по подушке. Она приехала ко мне в эту дыру, через грязь, через страх, через всё. И она спит рядом. Доверяет мне. Любит. И это так дико, так невероятно, что я почти не дышу.

Утро наступает серое, холодное, с влажным туманом, который просачивается сквозь щели в дверях. Я просыпаюсь оттого, что всё тело болит - спина затекла, шея занемела, плечи ноют от неудобной кровати. Я разлепляю глаза, рядом вижу Таню. Она спит обнаженная, закинув руку мне на грудь, и от этого прикосновения у меня перехватывает дыхание.

Я смотрю на неё, и мне кажется, что это самое крутое место на земле. Эта развалюха, эта грязь, этот холод - всё уходит на второй план. Остаётся только настоящее.

Я не могу удержаться. Придвигаюсь ближе, провожу ладонью по её плечу, по талии. Целую её шею, плечо, ключицу. Она вздыхает, открывает глаза и улыбается - сонно, тепло.

- Егор… - шепчет она.

- Я хочу тебя. Здесь... Прямо сейчас...

Она тянется ко мне, обнимает, прижимается всем телом. Я чувствую, как моё дыхание сбивается, как все мысли исчезают. Зарываюсь носом в её волосы, целую губы.

И вдруг- стук. Громкий, требовательный, почти агрессивный. Сначала я думаю, что, мне кажется. Но стук повторяется - сильнее, с настойчивостью, которая не оставляет сомнений.

- Егор! Открывай! - голос тестя. Резкий, металлический. Я замираю, приподнимаюсь на локте. Таня вскрикивает, прикрывается одеялом. Её глаза расширены от ужаса.

- Я же говорила, он здесь, - голос Ольги. Спокойный, жёсткий, без колебаний. - Егор, выходи. Не заставляй нас ломать дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.